

«Тихий шепот» был для режиссера У Юя проектом всей жизни — детищем, в которое он вложил колоссальные ресурсы и душу. Неудивительно, что каждая деталь здесь была продумана до мелочей, а актерский состав подбирался с ювелирной точностью. Если не считать Се Шуи — досадного недоразумения и темного пятна на безупречной репутации проекта, — каст состоял из звезд первой величины. Мэтры старой школы вроде Ло Нина и У Синъюня делили площадку с популярными кумирами молодежи, главным из которых оставался Дай Ван. Для скромной веб-дорамы привлечь команду такого масштаба было небывалой удачей. Впрочем, большинство актеров согласились на съемки ради сильного продюсерского состава и громкого имени Дай Вана. Разумеется, Се Шуи для них оставался пустым местом, безликим новичком, чье появление вызывало лишь глухое недоумение.

На следующее утро съемочный павильон заполнился почти до отказа: приехали почти все ключевые актеры. Так совпало, что вся первая половина дня была отведена под сольные сцены Се Шуи. Многим не терпелось взглянуть на дерзкого новичка из низов, ради которого стольким признанным мастерам пришлось подвинуться. Даже те, у кого сегодня не было запланировано ни единого кадра, приехали на площадку и чинно расселись в креслах. Всем хотелось своими глазами увидеть, на что способен этот безвестный выскочка.

Сегодняшняя сцена была одной из ключевых: Линь Шу оставался наедине с собой в опустевших чертогах, оплакивая Сун Минъя, только что низвергнутого из небесного чертога в мир смертных. Тяжелый, полный скорби монолог должен был раскрыть всю глубину его трагедии.

Складывалось впечатление, будто режиссер У устроил это испытание намеренно. Сцена требовала колоссального эмоционального накала и предельной искренности — идеальная проверка на прочность для любого актера. Именно поэтому праздные наблюдатели потянулись на площадку с самого утра, предвкушая зрелищный провал.

Се Шуи наивно полагал, что приехал ни свет ни заря, но, переступив порог павильона, даже не смог отыскать свободного угла. Мысленно отругав себя за непростительную лень, он пообещал впредь подниматься еще раньше.

Гример уже ждал его. Се Шуи торопливо уселся в кресло. До этого момента он чувствовал себя вполне уверенно и не испытывал ни капли страха, но внезапный ажиотаж вокруг его скромной персоны заставил нервы натянуться до предела. Пользуясь каждой свободной секундой, пока над его лицом колдовали кистями, он судорожно листал сценарий. Реплики прокручивались в голове раз за разом, пока не врезались в память намертво. Шуи до смерти боялся оговориться или, что еще хуже, впасть в ступор под прицелом десятков оценивающих глаз.

Драматический накал сцены исключал плотный, кричащий грим. Кожа Се Шуи от природы отливала матовой, почти болезненной бледностью, которая идеально подходила для кадра. Линь Шу, по замыслу автора, оставался самым сдержанным, благородным божеством Небесного царства. Даже видя, как рушится его мир, даже со слезами на глазах, он обязан был сохранять величие и безупречную статью. Гример лишь слегка приглушил природный блеск кожи и наложил едва заметные тени вокруг глаз, придавая лицу измученный, отрешенный вид. В остальном образ остался прежним.

Спустя час двери гримерной распахнулись. Се Шуи сделал шаг наружу и мгновенно оказался под прицелом десятков оценивающих взглядов.

Развевающиеся белоснежные одежды, зажатая в тонких пальцах флейта из белого нефрита и точеные, словно высеченные из мрамора черты лица — он выглядел сошедшим с древней картины небожителем. Намеренно бледный грим лишь подчеркивал благородство его облика, а иссиня-черные волосы, ниспадающие до самой талии, создавали резкий, почти мистический контраст с чистой белизной шелка. По павильону прокатился едва слышный шепоток, смешавшийся с тихими вздохами восхищения.

Один из осветителей, которому посчастливилось наблюдать Се Шуи в гриме еще вчера, снисходительно толкнул локтем своего коллегу. Тот еще пару минут назад скептически кривился, ворча, что новичка превозносят без всякой меры, а теперь застыл с глупым выражением лица, не в силах отвести глаз от актера.

Поймав его ошеломленный взгляд, осветитель самодовольно ухмыльнулся:

— Ну и кто из нас жизни не видел?

Коллега, все еще пребывая в легком ступоре, шутливо сложил ладони в умоляющем жесте:

— Виноват, признаю свою темноту! Глаза мои доселе истинной красоты не видели. Разве можно сравнивать эту неземную статью со среднестатистическими смазливymi мордашками из телевизора? Да рядом с ним даже Дай Ван, пожалуй, сдаст позиции!

— Ну, это ты загнул, — осадил его приятель. — Мэтр всегда останется мэтром. Дай Ван берет не только внешностью, он актер высочайшего полета. По красоте они, может, и на равных, но у Дай Вана харизма такая — хребет сломать можно. Его энергетику просто так не задавишь.

Тот согласно кивнул. Работая в постоянной команде режиссера У Юя, они уже пересекались с Дай Ваном на других проектах и прекрасно помнили его тяжелый, гипнотический магнетизм. Редкое сочетание безупречной внешности и звериной хватки. Но главное — талант, спорить с которым было глупо. Про таких говорят: поцелованный богом при рождении. А вот касательно Се Шуи закрадывались сомнения. Внешность безупречна, спору нет, но не окажется ли он очередной красивой пустышкой, годной лишь для статичных кадров? Иначе как объяснить, что за столько лет в индустрии парень так и остался безвестным статистом, болтающимся на самом дне актерской иерархии?

Утвердившись в своей догадке, собеседник вновь перевел взгляд на Се Шуи, который мягко и вежливо здоровался с персоналом площадки. В груди шевельнулась странная, необъяснимая жалость, и мужчина невольно покачал головой.

И подобные мысли крутились в головах у доброй половины присутствующих. Во взглядах, устремленных на юношу, зависть мешалась с глухим сочувствием. В жестоком мире шоу-

бизнеса все держится на трех столпах: внешности, везении и таланте. У Се Шуи первый пункт граничил с совершенством, а вот два других явно хромали на обе ноги. Судьба порой чертовски несправедлива к слишком красивым людям.

Се Шуи не догадывался о чужих пересудах, да и вряд ли бы они его задели. За годы забвения он настолько привык к жалостливым вздохам за спиной, что давно научился пропускать их мимо ушей.

Подойдя к режиссеру У Юю, он вежливо поздоровался и присел на свободный стул, настраиваясь на разбор сцены. Но на душе было беспокойно. Какая-то неуловимая деталь упорно ускользала, оставляя чувство пустоты. Лишь когда У Юй закончил объяснение и спросил, все ли ему понятно, Шуи инстинктивно повернул голову к соседнему креслу и замер.

Дай Вана на площадке не было.

Вчера они практически не расставались. Пока режиссер объяснял тонкости роли, Дай Ван то и дело небрежно, но очень точно вставлял свои комментарии, заставляя всех прислушиваться. Теперь стало ясно, почему вокруг воцарилась такая звенящая, непривычная тишина.

Шуи похолодел от внезапной догадки.

«Неужели всего за один день этот человек стал так много для меня значить?»

Но куда сильнее пугало другое: осознав отсутствие актера, он первым делом подумал не об опасной привязанности, а о том, куда тот подевался и почему задерживается. Это граничило с безумием.

Оклик режиссера заставил его вздрогнуть и вернуться к реальности. Не веря собственным глазам, Се Шуи еще раз украдкой пробежался взглядом по лицам присутствующих — нет, Дай Вана действительно не было в павильоне. Подавив глухую тревогу, он заставил себя сосредоточиться на наставлениях режиссера, но внутри уже поселилось липкое беспокойство. Странно, ведь мгновение назад он чувствовал абсолютную безмятежность.

«Это просто предстартовый мандраж, — убеждал он себя, судорожно сжимая пальцы. — Просто зрителей сегодня слишком много, да и сцена сложная. Вот и все»

К счастью, профессионализм взял верх. Се Шуи прекрасно понимал, что сегодняшняя сцена — его персональный рубикон. От того, как он справится, зависело отношение всей съемочной группы. Либо его признают равным, либо до конца съемок на нем останется клеймо бесполезной куклы. Ошибиться было нельзя.

Позволив гримеру нанести последние штрихи, Се Шуи украдкой сделал глубокий вдох и медленно, шумно выдохнул, пытаясь унять дрожь в коленях. На ровные ряды кресел, где

расположились его коллеги, он старался даже не смотреть. Вместо этого он изо всех сил воскрешал в памяти старый совет мастера курса из академии:

«Представь, что все зрители в зале — обычные кочаны капусты»

Шуи кивнул У Юю, показывая, что готов к работе, отложил сценарий в сторону и уверенным шагом направился на исходную позицию под прицелы камер.

Раздался отчетливый щелчок хлопушки:

— Сцена одиннадцать, дубль один. Приготовились... Начали!

А в голове Се Шуи, вопреки здравому смыслу, упрямо билась лишь одна глупая мысль:

«Интересно, он сегодня придет?»

Дай Ван в этот момент изнывал от нетерпения и злости куда сильнее него. Он ведь твердо решил лично явиться с утра на площадку, чтобы одним своим авторитетом осадить любителей посплетничать и поддержать Се Шуи. Однако посреди ночи его бесцеремонно выдернули по работе — в старом проекте, где он снимался ранее, срочно потребовалось переснять пару крупных планов. Врожденное чувство долга не позволило ему отмахнуться от обязательств, но та площадка находилась в другом городе. Из-за экстренного вылета он физически не успевал вернуться к утренней смене Шуи. Из-за этого Дай Ван впервые в жизни сорвался и закатил грандиозный скандал Хун-цзе прямо по телефону. Несчастная женщина потом еще долго причитала, что ее любимого подопечного словно подменили.

Он порывался набрать номер Се Шуи, но в итоге с раздражением отбросил эту мысль. Во-первых, время близилось к рассвету — будить парня было верхом неприличия. Во-вторых, открыв список контактов, актер обнаружил шокирующий факт: проведя с Шуи бок о бок весь вчерашний день, он умудрился не спросить его номер.

«Это просто абсурд какой-то!» — мысленно выругался он.

И вот теперь, стоя под прицелом чужих софитов, он механически отыгрывал свои реплики, пока мысли крутились вокруг Се Шуи. Справляется ли парень? Не пытаются ли его задвинуть другие актеры? Дай Ван сам не понимал, с какого перепугу он носится со взрослым, самостоятельным мужчиной, как с хрустальной вазой. Раздражение и тревога сковали его лицо такой ледяной маской, что несчастная партнерша по кадру, случайно перепутавшая реплику, едва не рухнула в обморок от его тяжелого взгляда. От пережитого ужаса бедняжка, вместо одного дубля, проваливала съемки больше десяти дней, едва не доведя режиссера до нервного срыва под глухое рычание Дай Вана.

Едва режиссер скомандовал долгожданное «Снято!», Дай Ван резко развернулся и зашагал прочь. Он полностью проигнорировал и постановщика, собиравшегося дружески похлопать его по плечу, и всхлипывающую партнершу, которая семенила следом с извинениями. Позвав перепуганного ассистента и сделав знак Хун-цзе, он быстрым шагом направился к выходу.

Машина до аэропорта мчалась на пределе возможностей. Актер до боли сжимал кулаки, молясь лишь об одном — успеть до того, как погаснут софиты на его родной площадке.

<http://bllate.org/book/20697/2130865>